

Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой¹

КАРЛ ШМИТТ

ИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ наблюдения должны представить в правильном свете один поворотный момент, определивший почти на 400 лет меру и направление европейской истории, — начало эпохи государственности. В эту эпоху, с XVI по XX век, государство выступает абсолютно господствующей парадигмой (*Ordnungsbegriff*) политического единства. Самые разнообразные факторы способствовали развитию и формированию государства, и здесь, как и повсюду, можно указать на множество предвосхищений, переходных периодов и степеней развития. И тем не менее можно совершенно четко обозначить поворотный момент, произошедший по воле и в результате деятельности человека. Я бы поместил его во второй половине XVI века. Для Германии это довольно печальное и бездеятельное время. Тем большее значение приобретает его решающий и поворотный для европейской и всемирной истории характер. В XVI веке начинается борьба за новый порядок на недавно открытых землях. Образуются великие фронты мирового католицизма и мирового протестантизма. Франция, Голландия и Англия предпринимают первые успешные попытки сопротивления морской монополии западных католических держав, Испании и Португалии. В горниле конфессиональных гражданских войн во Франции рождается мысль о суверенном *политическом* решении, способном нейтрализовать все богословско-церковные

1. Перевод выполнен по изданию: © *Schmitt C. Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924–1954. Materialien zu einer Verfassungslehre.* Berlin: Duncker & Humblot, 1958. S. 375–385.

противоречия и секуляризовать жизнь, пусть даже церковь и обретет статус государственного института.

В этих условиях понятия *государство* и *суверенитет* находят во Франции свое первое определяющее юридическое выражение. Тем самым в сознание европейских народов входит понятие специфической формы организации — «суверенное государство». Оно придает государству в картине мира последующих столетий статус единственной нормальной формы проявления политического единства. Старый германский рейх с его неразберихой феодальных, сословных и церковных конституционных элементов тем самым был отодвинут в Средневековье; поскольку это рейх, а не государство, он «уже непонятен»². Международное право превращается в *межгосударственное* право; вооруженные столкновения превращаются из междоусобиц и частных конфликтов в войны между государствами. Свидетельством превращения понятия *государство* в господствующее парадигмальное представление в Европе в конечном счете служит тот факт, что в XIX веке оно распространилось на все исторические эпохи и народы и стало политической парадигмой (*Ordnungsvorstellung*) мировой истории вообще. По сей день то и дело слышно не о греческом полисе или римской республике, но об «античном государстве» греков и римлян, не о рейхе, а о «немецком средневековом государстве» или даже о государствах арабов, турок или китайцев. Таким образом, связанная с определенной эпохой, исторически обусловленная, конкретная и специфическая форма организации политического единства теряет свое историческое место и типичное содержание; ее переносят — по причине вводящего в заблуждение абстрактного характера — на самые разные периоды и народы и проецируют на кардинально разнящиеся образования и формы организации. Этому возведению понятия государства во всеобщее нормативное понятие о форме политической организации всех времен и народов, возможно, вскоре придет конец вместе с периодом государственности. Но оно встречается и сегодня, и по этой причине здесь с самого начала следует без всяких сомнений постулировать конкретно-исторический и специфический характер понятия государства как политической парадигмы, характеризующей европейскую историю с XVI по XX век.

Франция стала первой страной, нашедшей в эпоху религиозных войн спасение и разрешение собственных внутривнутриполитических трудностей в «государстве» и «суверенитете». Жан Боден, типичный французский юрист, представитель традиции французского легизма, как известно, дал первое определение суверенитету. Его вышедшая в 1576 году книга называется *Six livres de*

la République; в латинском издании значится: *res publica*. Характерно, что собственно слова «государство» в названии еще нет. Но на смену доставшейся от Средневековья путанице феодально-сословных правовых представлений настолько естественно и ясно приходит необходимость суверенного государственного решения внутри некоей политической общности, что это юридически-децизионистское прояснение оказывает непреодолимое воздействие на все остальные европейские страны. Эрудированная и богато документированная книга юриста Бодена — значимый плод этого времени перемен. Ее автор сделал себе имя в самых разных областях — и как юрист, и как значительный *politicien* своего времени. В области экономики он проявил себя как основоположник так называемой количественной теории денег, в истории — как автор разнообразных оригинальных наблюдений, наконец, в своей книге *Heptaplomeres*³ — как удивительно смелый провозвестник современной идеи толерантности.

Вышедшую в 1576 году книгу нельзя сравнивать с другими, пусть и значимыми, научно-правовыми или историческими трудами. Конечно, ее обширные научные выкладки уже забыты, однако немедленное и вместе с тем продолжительное влияние развитого в ней понятия суверенитета было во всей Европе необычайным. То ощущение очевидности, которое повсюду и особенно в Германии вызвала мысль о суверенности, разрешающей конфликтную ситуацию, даже спустя сто лет со всей силой проявляется в знаменитом сочинении Пуфендорфа *De Statu Imperii Germanici* (1667). В боденовом понятии суверенитета необычным образом сопряглись юридическое образование понятий и политическая реальность. Лишь благодаря этому юридическое понятие смогло в такой мере способствовать победе нового представления о порядке. Именно юридический характер образования понятий соответствует своеобразному внутривнутриполитическому развитию и духу французского народа. Французские короли, подталкиваемые и консультируемые своими законниками, создав первое большое современное государство и утвердившись в качестве его суверенов, надолго сделали Францию прототипом и классическим примером того, что тогда понималось под совершенным образом суверенной власти. Франция как европейская держава стала определять внутреннюю меру и параметры новой парадигмы (*Ordnungsbegriff*).

Невозможно отрицать, что слово «государство» было введено в политический словарь европейских народов еще Макиавелли. Определенную роль также сыграли разнообразные значения слова *Status*, а в процессе немецкого словообразования — и отзву-

2. Цитата из работы Гегеля «Конституция Германии». — Прим. ред.

3. «Семичастный разговор о секретах высших истин».

ки пространственных представлений, таких как *Stadt* или *Stätte*. Но преодоление феодально-сословных представлений о праве через однозначное, суверенное и высочайшее решение и вместе с тем новая европейская парадигма (*Maß und Ordnungsbegriff*) — «государство» — относятся к политической ситуации, которая нашла свое экзистенциально-адекватное выражение в учении о суверенитете французского юриста Бодена. Ни мирок итальянских городских тиранов Ренессанса, ни Каструччо Кастракани или Чезаре Борджиа не были в состоянии насадить новую европейскую парадигму. А более поздние малые и средние немецкие государства XVII и XVIII веков оказались втянуты в качестве балласта в большую игру европейской политики уравнивания уже вследствие утвердившегося во Франции понятия суверенитета.

Понятие суверенитета уже у Бодена имеет не только внутриполитическое значение для раздираемой гражданскими войнами Франции. Хотя общеевропейские последствия новой парадигмы полностью проявятся лишь в XVII и XVIII веках, уже Боден в крайне интересной, но, к сожалению, малоизученной главе своей книги⁴ рассматривает внешнеполитическое положение Европы с точки зрения своего понятия суверенитета. Он бросает испытующий взгляд на всю Европу, чтобы при помощи новых парадигм *суверенитета* и *государства* навести порядок в сумятице европейских феодальных связей. Он полагает, что уже несколько европейских стран можно считать суверенными государствами: кроме Франции это Англия, Шотландия, Дания, отдельные кантоны Швейцарии, Московское княжество, Польша. На итальянской земле только одно государство представляется ему суверенным — Венеция. В Германии суверенными не являются ни кайзер, ни князья, ни имперские города. Уже здесь, почти за сто лет до упомянутого труда Пуфендорфа, становится очевидно, что средневековому германскому рейху суждено пасть жертвой взрывной силы новой парадигмы «суверенного государства».

Исходя из новой парадигмы *государства*, начинается постепенное преодоление феодальной и сословной неразберихи Средневековья. Государство создает территориально замкнутое единство. Правовое понятие государственного суверенитета становится первым решающим шагом на том длинном пути, который в последующие столетия приведет к территориально замкнутому, с математической точностью отграниченному от других, рационализованному и централизованному единству *государства*. Специфические средства организации единой государственной власти известны: государственная армия, государственные фи-

нансы и государственная полиция. Право все больше преобразуется в государственное право, в проводимый государственной юстицией *закон* и находит соответствующее выражение в государственной кодификации законов. Средневековые корпорации и институты, феодальные, сословные или церковные союзы теряют свой смысл и значение. Церковь, в частности, становится либо средством поддержания общественного порядка, надежности и покоя, как и средством государственной полиции и народного воспитания, либо частным делом благочестивого индивидуума. В той мере, в какой она еще предъявляет претензии на власть, все больше углубляется разрыв между внешне предписанным, государственно-церковным культом и внутренней религиозностью. Даже римская церковь периода контрреформации в условиях нового суверенного государства выдвигает лишь требование *potestas indirecta* (как его определил теолог контрреформации Беллармин), оставлявшее в силу многозначности термина множество лазеек. В течение нескольких столетий стремление к государственности непреодолимо. Немецкому народу также пришлось пройти сквозь теснину государственного суверенитета, пока новому рейху не удалось отвоевать для Германии ведущую роль в Европе.

Это развитие в сторону государственного суверенитета было всеобъемлющим историческим событием. Его можно рассматривать с разных точек зрения и по-разному периодизировать. Свое начало оно берет как раз в рассматриваемом здесь нами временном отрезке, во второй половине XVI века, и завершается лишь спустя два столетия. В частности, развитие территориальной государственности, четко отделенной от соседей линейными границами, окончательно завершается лишь в ходе Французской революции 1789 года. До этого, особенно в XVI и XVII веках, новое, специфически государственное понятие *границы* еще неясно, а рубежи между Францией и Германской империей или между Англией и Шотландией представлялись скорее условностью, милитаризованными зонами отчуждения, а не современными демаркационными линиями. Но начало положено уже понятием государственного суверенитета: суверенное государство — это не только новая парадигма, отрицающая в целом средневековые имперские и общинные уложения, но и прежде всего новая парадигма *пространства*. Не то чтобы новый порядок просто отрицает какие-либо прежние представления о порядке. Главное, что он закрепляет новые парадигмальные представления о пространстве в тот исторический момент, когда в мировой политике и международном праве проявляются первые последствия великой и до той поры беспрецедентной глобальной *пространственной революции*.

Изменение планетарной картины Земли и мира в результате кругосветных путешествий и открытие нового континента вле-

4. Bodin J. Les six livres de la république. Paris: Jacques Du Puis, libraire, 1580 L. I. Ch. IX. Du Prince tributaire ou feudataire, et s'il est Souverain.

кут за собой изменение всех существующих отношений. Свой вклад в пространственную революцию вносят все духовные течения этого времени: Ренессанс, Реформация, гуманизм, барокко. Великие открытия в математике, механике и физике, а также изменения в астрономической и космической картине мира найдут признание лишь в XVII веке. Но европейский человек уже в XVI столетии начинает осознавать политические последствия открытия Нового Света, а потому должны быть заложены новые основы мирового порядка. Поборники пространственной революции в философии и естественных науках, Джордано Бруно и Галилей, подвергаются теперь и политическому преследованию, становятся жертвами цензуры и инквизиции, хотя открытие Коперника всего за несколько десятилетий до этого никто под сомнение не ставил. Но для него, в отличие от Джордано Бруно, мир еще был по-прежнему ограничен и ни в коем случае не бесконечен. Теперь же, с возникновением новой планетарной картины Земли, напротив, открывается безграничный, не поддающийся ограничению, бесконечный Космос.

В этой пространственной революции состоит «современность» XVI века. Она заключена не в созвучиях Ренессанса с индивидуалистическими идеями XIX и XX веков, которые побудили историка экономики и профессора Сорбонны Анри Хаузера представить XVI век чуть не *предвосхищением* (*préfiguration*) века XX, хотя с другой точки зрения он еще глубоко погружен в Средневековье. Французское государство обнаруживает первые, также понятийно внятные основания для той внутренней формы, которая на долгое время делает его ведущей державой европейского континента. Оно на долгое время станет государством по преимуществу. Формулы его государственности станут правовыми понятиями в этой сфере человеческого сознания; его язык становится языком дипломатического и международно-правового взаимодействия европейских народов. Учение о естественных границах может теперь с большим успехом быть установлено в качестве европейской, задающей порядок нормы. Тем самым французское государство задает и важнейшее понятие меры в рамках новой парадигмы пространства. Размер, определенный исходя из представления о французском государстве, достаточно велик и даже огромен по сравнению с ужасающей ограниченностью и маломерностью государств итальянских тиранов и кондотьеров. Но и он все же скуден и мал в сопоставлении с бесконечной шириной открывшейся в этом столетии новой, планетарной картины мира.

Ибо с точки зрения пространственного порядка это понятие суверенного государства было привязано к определенному представлению о суше и Земле. Это было континентально-государ-

ственное понятие. Оно представляло собой лишь одно из многих последствий великой пространственной революции этого и последующего столетий. Оно прежде всего не охватывало другую, куда более широкую сторону, оно не включало и не подразумевало моря. Здесь-то, со стороны моря, и возникает противоположность специфически государственного представления о замкнутом и ограниченном пространстве. Свободное, то есть лишенное государственного пространственного порядка, не пересеченное государственными границами, море становится определяющим представлением о мировой политике и международном праве. Но и развитие идеи свободного морского пространства до практической и понятийной ясности и однозначных формул еще потребует времени многих поколений. В ее сегодняшнем виде она становится осязаемой лишь в XVIII веке. Более точное определение линии, на которой заканчивается прибрежная зона и начинается открытое море, относится лишь к XVIII веку. Собственно, первым, кто пришел к научному осознанию отличия мирового океана от европейского морского бассейна, о котором размышляла прежняя юриспруденция, рассуждая о проблеме моря с помощью формул римского права, становится Пуфендорфф (1672). Лишь в работах Бейнкерсхука (1703) одерживает победу до этого лишь спорадически выдвигавшаяся идея о том, что государственный суверенитет прибрежного государства распространяется на море в зоне досягаемости оружия (*ubi finitur vis armorum*). И только в работе Галиани 1782 года устанавливается знаменитая граница в три морские мили от побережья.

Борьба за мировой океан во всю силу разворачивается уже в рассматриваемый здесь исторический период, в середине XVI века, как война Франции, Голландии и Англии против монопольных притязаний морских держав Испании и Португалии. Это приводит к полярному развитию пространственных парадигм, основанных на противопоставлении суши и моря, изоляции и открытости. Суша отходит под юрисдикцию государства, море остается свободным, то есть независимым от государства, не входящим в него. Развивается удивительный дуализм европейского международного права последних столетий. Обычное, недифференцированное понятие «международное право» неверно, поскольку в действительности здесь параллельно действуют два никак не связанных между собой типа международного права. Возникает европоцентричное устройство мира, но оно сразу же распадается на сушу и море. Суша разделена на территориально замкнутые государственные области суверенных государств, море, напротив, остается свободным от государства. Что это означает в межгосударственном международном праве, в котором всеобъемлющей парадигмой является государство? Море

не знает границ, и оно становится, игнорируя географическое положение и соседство, единым пространством, которое должно оставаться «свободным» как для мирной торговли, так и для ведения войн между любимыми государствами.

Двум настолько разным представлениям о пространстве суши и моря должны соответствовать два совершенно разных порядка международного права: международное право моря и совершенно другое — суши. В каждом есть собственное, совершенно отличное от другого определение войны и врага. На суше государство становится единственным нормальным субъектом международного права и тем самым — единственным носителем порядка, прогресса и гуманизма. Война на суше обретает юридический характер потому, что ведет к войне государств, то есть вооруженному конфликту между государственными армиями стран-участниц. Для конфликта на суше всякая рационализация и нормирование в смысле ограничения и попытки избежать тотальной войны означают, что война на суше обострится и превратится в чистую межгосударственную войну, разворачиваемую организованными государством армиями и не затрагивающую мирное население и частную собственность.

Война же на море, согласно этому международно-правовому порядку, — это не война комбатантов. Она основывается на тотальном понятии врага, согласно которому врагом становится любой гражданин вражеского государства, а также любой, кто ведет с врагом торговлю и тем самым укрепляет экономику врага. При такой войне постулируется, что частная собственность врага становится предметом права на трофеи и что с помощью специфического для войн на море и признанного международным правом средства блокады объектом нападения становится всё без исключения население блокированного района, а кроме того, также на основе специфических, признанных международным правом средств войны на море — и нейтральная частная собственность.

Два столь разных понятия войны и врага невозможно объединить каким-либо общим понятием. А разница в понятии войны придает и мирному периоду между войнами столь же разные значения. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что за привычными формулами и выражениями «единого» международного права стоят два совершенно разных правовых порядка, два несоединимых мира противоположных правовых понятий.

* * *

Это первая часть доклада, сделанного мной на съезде историков в Нюрнберге 8 февраля 1941 года. Доклад вышел в свет под названием «Государственный суверенитет и свободное море: о про-

тивопоставлении суши и моря в международном праве Нового времени» в сборнике докладов этого съезда «Рейх и Европа»⁵.

Часть доклада, в которой идет речь о противопоставлении суши и моря, была развернута мной в книге «Номос Земли»⁶. Серж Майвальд сделал этот тезис основой своего обширного труда и разработал системные отличия понятий *государство*, *общество* и *собственность* в атлантическом и континентальном правовом порядке. Его масштабная работа осталась на стадии фрагментов, но некоторые ее пассажи были опубликованы в издаваемом тогда Майвальдом журнале *Universitas* с 1950 по 1952 год, в частности три статьи под заглавием «Между свободой и диктатурой: атлантическая система перманентного чрезвычайного положения».

1. Напечатанная здесь первая часть призвана донести мысль о том, что «государство» вовсе не является подходящим для всех времен и народов обобщающим понятием, но скорее конкретно-историческим, конкретным понятием, и было бы ошибкой — если не подлогом — проецировать типичные представления эпохи государственности на другие исторические эпохи и ситуации. В XIX веке привыкли говорить о «государстве» афинян и римлян, о «государстве» средних веков и у ацтеков как о чем-то само собой разумеющемся. Это стало источником заблуждений еще худшим, нежели рассуждения о государстве у пчел или муравьев, так как в случае этих государств «животных» речь не идет об исторических понятиях.

Как для историков, так и для юристов XIX века обобщение и абсолютизация понятия государства стала очевидной по умолчанию. У того, кто примет сегодня за чтение споров между, к примеру, Рудольфом Зомом и Георгом фон Беловом, употребление ими слова «государство» может вызвать лишь удивление. Учение такого значительного юриста и историка, как Рудольф Зом, о невозможности существования церковного права останется абсолютно непонятным, если не иметь постоянно в виду, что он по умолчанию идентифицирует право и государственный закон. Антипатия к научному разъяснению была поэтому всеобщей. Лишь книга Отто Бруннера «Земля и господство, основные вопросы истории территориального права Юго-Восточной Германии в Средневековье»⁷ с некоторым успехом способствовала началу такого разъяснения.

В социологии Макса Вебера это слово имеет конкретно-историческое значение; государство для Вебера — это специфический

5. Leipzig: Koehler & Amelang, 1941; ср. отзыв Карла Бринкмана в: *Historische Zeitschrift*. Bd. 167. S. 361, 362.

6. *Schmitt K. Der Nomos der Erde*. Köln: Greven-Verlag, 1950. S. 143 ff.

7. Baden bei Wien; Brünn/Leipzig/Prag: Rudolf M. Rohrer, 1939.

продукт и составная часть западного рационализма и уже потому не может называться одинаково с формами организации господства в других культурах и эпохах. Можно легко установить особенности употребления слова «государство» у Макса Вебера на основе превосходного тематического указателя, составленного Йоханнесом Винкельманном для 4-го издания «Государства и общества» (1955. S. 1018–1019). Уже у него прослеживается заметная тенденция к исторически эпохальному, а не произвольно расширительному толкованию этого слова. Даже учитывая такие формулировки, как патримониальное государство, феодальное государство или сословное государство, он остается свободен от ретроспективного анахронизма, вызванного экстраполирующим употреблением слова «государство». В выражении «средневековое государство» юристы уже давно отметили размывание понятия: например, у Геллера, в учении о государстве 1934 года, и Эрнста Форстхоффа, в истории конституции 1941 года. Заметному прогрессу способствовала работа Эрнста Керна «Современное государство и понятие государственности»⁸, в которой он блестяще разобрал перенос понятия на другие исторические формы порядка, выступил против ретроспективного позитивистского взгляда на государство и поднял вопрос об «основанном на источниках понятийном аппарате». К сожалению, напечатанная выше статья осталась ему неизвестной.

2. Этот вопрос долгие годы был темой оживленных споров между Йоханнесом Попитцем и мной. Даже его последняя научно-теоретическая работа, машинопись в 35 страниц, касалась опровержения моего тезиса о конкретно-историческом характере понятия государства. Попитц придерживался мнения, что государство должно остаться общезначимым понятием. Он опасался, что вместе с этим словом и понятием придется тогда отказаться и от сущностной субстанции, отдавая на откуп *партии* то, что еще осталось от царства объективного разума. Я понимаю это опасение и разделяю его. Однако мне кажется, что за этим не следует забывать нашу реальную ситуацию. Как либеральная западная демократия, так и марксистский коммунизм, равно как и тогдашние формы гитлеровского режима, пытались низвести государство до уровня инструмента или оружия. По крайней мере столь же необоримо, как демократия во времена Токвиля, а может быть, и более настойчиво сегодня в индустриально развитых странах распространяется административная система массового попечения. Статья 4 доктрины Трумэна от 20 января 1940 года определила отличие экономически развитых регионов от экономически неразвитых. Александр Кожев смог разглядеть в этом

8. Hamburg: Rechts- und staatswissenschaftlicher Verlag, 1949.

новый Номос Земли. Перед лицом этой ситуации мы должны оградить себя от надысторического идеализма и не можем позволить сделать государство сугубо идеологической проблемой.

Совсем другое дело, когда, полностью осознавая эту ситуацию, мы стараемся сдерживать добровольных или подневольных ускорителей на пути в пропасть полной функционализации и сохранять те институты, которые по-прежнему могут являться носителями исторической субстанции и непрерывности. В этом смысл учения об институциональных гарантиях. Подобно тому как легитимный князь в XVI и XVII веках мог преодолевать чрезвычайные положения конфессиональных гражданских войн лишь с помощью традиционных и существующих учреждений и устраивать в «государстве» царство объективного разума, так и сегодня следует опираться на унаследованные институты. При этом важно осознавать, что такие институты в случае ломки традиции невозможно будет восстановить.

3. Замкнутое в себе политическое единство классического государства было для прежних определений конституции и закона очевидной предпосылкой. Веймарская конституция также имеет в качестве предпосылки национально-государственной демократии такое замкнутое единство. Между тем прежде замкнутое единство теперь раскрывается: изнутри — в результате плюрализации, снаружи — в ходе интеграции. Тем самым меняются не только государство и общество, но и конституция, и закон. Глядя изнутри, они приобретают вид компромиссов между социальными партнерами. Богатая материалом и идеями книга Йозефа Х. Кайзера носит характерное название «Репрезентация организованных интересов»⁹. Проявлением мудрости этой книги является то, что разбираемые в ней вопросы не затрагивают ядро понятий «конституция» и «закон», как это в том же 1956 году делает, например, Жорж Бурдо с юридического факультета в Париже в VI томе своего *Traité de science politique*.

В запутанной системе организованных интересов каждое сильное проявление группового эгоизма обретает свое лобби и своих лоббистов. Это еще вопрос, найдется ли в каком-нибудь уголке этого запутанного лабиринта пристанище для объективного разума. Тот, кто знает и понимает этот вопрос, не станет поспешно участвовать в ликвидации остатков унаследованного государства. Следует также принять во внимание, что сегодня носителем тоталитаризма является уже не государство, а одна партия.

Перевод с немецкого Александра Филиппова

9. Berlin: Duncker & Humboldt, 1956.